

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709

EDN: HCAXZB

Научная статья / Research article

Влияние образовательного фактора на миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию

К.Г. Муратшина¹ , М.В. Валеева²

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

 k.muratshina@ivran.ru

Аннотация. Проанализировано влияние образовательного фактора на миграционные траектории граждан бывших советских республик Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана), прибывших в Россию с целью получения высшего образования либо устройства на работу, то есть образовательной либо трудовой миграции. Авторы представляют результаты своего исследования, проведенного в 2020–2022 гг. с использованием социологического инструментария и последующего анализа полученных данных в контексте изучения взаимодействия России с центральноазиатскими государствами. Последовательно рассмотрены социальные характеристики изучаемой группы, уровень образования мигрантов, роль образовательной составляющей в их мотивации к переезду в Россию и применительно к студентам — мотивации к поступлению в российские вузы, вопросы владения трудовыми мигрантами и студентами русским языком и его дальнейшего изучения после переезда в РФ и, наконец, планы дальнейшего получения образования либо трудоустройства в России, в своей родной стране или в другом государстве. Результаты исследования показывают, что, хотя часть молодежи из центральноазиатских республик в той или иной степени нацелена на получение образования в России, трудовые мигранты в большинстве своем не заинтересованы в повышении собственного образовательного уровня, несмотря на то, что отсутствие необходимых компетенций не может не оказывать отрицательного влияния на выполнение ими профессиональных обязанностей, возможность коммуникации на русском языке, познания культуры России как принимающей страны и понимания правового устройства и традиций общества, в которое они попали. Подчеркнута необходимость проведения не только культурной адаптации мигрантов, но и принятия нанимающими их работодателями обязательств по повышению образовательного уровня сотрудников своих предприятий. Исследование позволяет выявить лакуны, которые необходимо заполнять в рамках реализации перспективной задачи по сохранению межэтнического согласия и поддержанию взаимопонимания в обществе.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, миграция, молодежь, образование

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Муратшина К.Г.: концептуализация и научное руководство исследованием, работа с научной литературой, написание текста, редактирование текста. Валеева М.В.: работа с программным обеспечением, анкетирование, обработка анкет, написание текста. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-78-10060.

Для цитирования: Муратшина К.Г., Валеева М.В. Влияние образовательного фактора на миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 697–709. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709>

Migration from Central Asia to the Russian Federation: The Educational Aspect

Ksenia G. Muratshina¹ , Marina V. Valeeva²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

 k.muratshina@ivran.ru

Abstract. The paper analyzes the role of education in shaping the trajectories of migrants from the former Soviet republics of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan), who came to Russia for the purposes of study or employment, i.e. for labour migration or educational migration. The authors present the results of their research, conducted in 2020–2022, which applied sociological methods and involved further analysis of the data in the context of Russia's interaction with Central Asian states. The paper consequently considers the social characteristics of the studied group, the migrants' level of education, the role of education in motivating them to move to Russia, and the motivation of students to enroll in Russian universities. The study also considers the migrants' knowledge of Russian language, as well as the continuation of their language learning while already residing in Russia. Finally, the study explores the migrants' plans regarding their further education or employment in Russia, or their native countries, or elsewhere abroad. The results of the research suggest that, while a proportion of the youth from Central Asia are somewhat committed to pursuing education in Russia, the majority of labour migrants are not interested in improving their educational level. This is despite the fact that the absence of essential knowledge invariably exerts a negative influence on their professional skills, employment prospects, and language proficiency, as well as on their understanding of the receiving state's culture, legal system and traditions. The authors posit the necessity of the cultural adaptation for migrants and the need for employers to make compulsory efforts to raise their educational level, which should be organized and controlled by state authorities. The research highlights gaps that need to be filled to promote interethnic harmony and mutual understanding in the society.

Key words: Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, migration, youth, education

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contributions. K.G. Muratshina: research conceptualisation & management, academic literature studies, manuscript writing, manuscript editing. M. V. Valeeva: software management, questionnaire distribution, questionnaire processing, manuscript writing. Both authors have read the final edition of the text and approved it.

Funding sources. The study has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10060).

For citation: Muratshina, K.G., & Valeeva, M. V. (2025). Migration from Central Asia to the Russian Federation: The educational aspect. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 697–709. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709>

Введение

Приток иностранной рабочей силы и иных мигрантов из-за рубежа — одна из реалий многих российских городов.

Постоянная въездная миграция — в первую очередь трудовая и образовательная — привела к тому, что мигранты стали одной из социальных групп в России, и характеристики этой группы необходимо

тщательно отслеживать методами общественных наук. Традиционно наибольшие миграционные потоки идут в Российскую Федерацию из бывших советских республик Центральной Азии (ЦА). Среди значимых вопросов, которые необходимо анализировать для понимания ситуации в этой сфере и выявления перспектив, как представляется, особое место занимает образовательный уровень мигрантов и получение ими высшего и/или дополнительного образования. Это важно не только для культурной адаптации мигрантов и межнационального взаимопонимания в обществе, но и для выполнения иностранными работниками профессиональных обязанностей, соблюдения регламентов и техники безопасности.

В российских исследованиях затрагивалась данная тематика, но в основном исследовались ее исторические или педагогические аспекты (см., например: (Крапивник, 2015; Образовательная миграция..., 2019; Шарафутдинова, Доронина, Казакова, 2022)). Исследований по данной проблематике конкретно применительно к Центральной Азии не хватает, к тому же категории трудовых и образовательных мигрантов обычно рассматриваются по отдельности, хотя сравнение их показателей представляет интерес.

В данной статье представлены результаты полевых исследований, проведенных авторами в 2020–2022 гг. с целью выявления актуальных образовательных характеристик миграционных потоков из ЦА в Россию. Изучение этого вопроса должно показать, какие шаги в перспективе следует предпринять российской стороне — органам власти, образовательным организациям, предприятиям-работодателям — для обеспечения высокого образовательного уровня иностранной рабочей силы, если в ней будет потребность.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступили граждане Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан,

Туркменистана и Республики Узбекистан, приехавшие в Россию для работы или учебы. Методом исследования был выбран опрос (раздаточное анкетирование и онлайн-опрос). Было опрошено 280 трудовых мигрантов, на момент опроса проживавших и работавших в 20 российских городах (Арамиль, Астрахань, Верхняя Пышма, Долгопрудный, Екатеринбург, Казань, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Новоуральск, Нягань, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Среднеуральск, Томск, Тула, Тюмень, Чебоксары, Челябинск), и 300 студентов очных отделений вузов, на момент опроса учившихся в 14 российских городах (Астрахань, Волгоград, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Москва, Новосибирск, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь, Томск, Тула, Чебоксары).

Тип выборки в силу условий пандемии коронавируса был использован стихийный, на основании доступности объекта, с вовлечением в него трудовых мигрантов и студентов из всех пяти республик ЦА. Возрастной состав выборки представлен на рис. 1 и 2.

Как можно заметить, трудовые мигранты, приезжающие в Россию, — это в основном молодежь. Что касается студентов, то их распределение по возрасту коррелирует с учебными программами: как было выявлено по результатам опроса, 83 % обучается на программах бакалавриата, 9 % — специалитета, 6 % — магистратуры, 2 % — аспирантуры. На программы бакалавриата в вузах обычно всегда приходится в целом наиболее широкий набор абитуриентов, тогда как количество направлений, сохранивших специалитет, не очень велико. В магистратуре меньше и сам набор, и квоты для иностранных абитуриентов. Наконец, в аспирантуру традиционно поступает небольшая часть выпускников.

С точки зрения демографических характеристик примечательно, что среди опрошенных примерно в 1,7 раза больше молодых мужчин, чем девушек (рис. 3, 4).

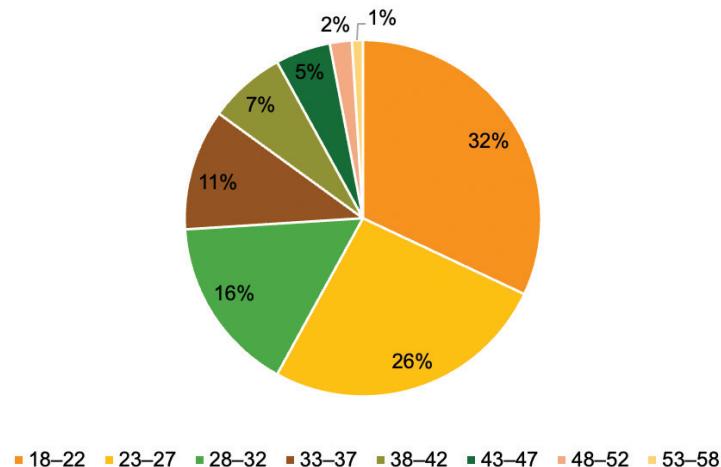

Рис. 1. Возраст трудовых мигрантов
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

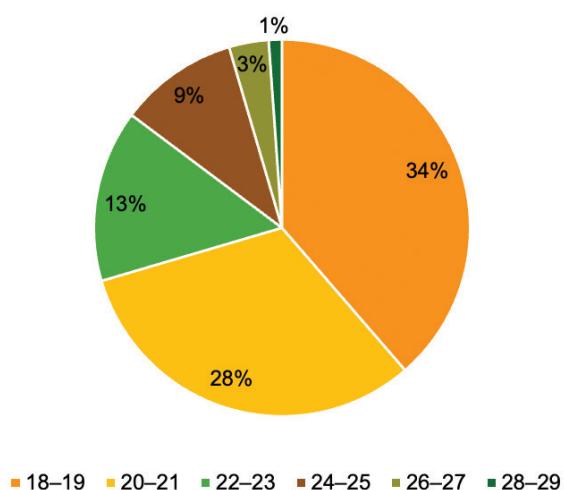

Рис. 2. Возраст студентов
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

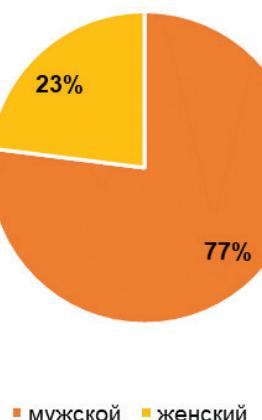
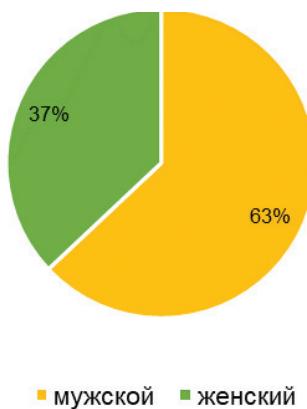

Рис. 3. Распределение респондентов по полу (трудовые мигранты)
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Рис. 4. Распределение респондентов по полу (студенты)

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Такая асимметрия объясняется сохраняющимся в обществах центральноазиатских стран гендерным неравенством (см., например: (Igarashi & Kumo, 2016; Kamp, 2016; New Voices from Central Asia ..., 2017; Omaleki & Reed, 2019; Najjar, Devcota & Feldman, 2022)), в том числе влияющим на образовательную сферу: высшее образование по-прежнему получают в основном мужчины, тем более если речь идет о поездке для этой цели в другую страну.

Если говорить о государствах происхождения, то 46 % опрошенных трудовых мигрантов имеют гражданство Узбекистана, 23 % — Таджикистана, 16 % — Киргизии, 6 % — Туркменистана, 4 % — Казахстана. 5 % указали, что на момент опроса стали гражданами России или имеют двойное гражданство. Среди опрошенных студентов 29 % имеют гражданство Таджикистана, 26 % — Туркменистана, 20 % — Узбекистана, 14 % — Казахстана, 9 % — Киргизии. Такой расклад вполне объясним. Таджикистан и Узбекистан — страны, из которых в целом в Россию идет наибольший поток мигрантов¹. Большое число приезжих из этих стран

в российских вузах тоже логично. Например, в 2018 г. в целом в российских вузах учились 34,7 тыс. граждан Таджикистана и 34,2 тыс. граждан Республики Узбекистан².

Туркменистан, несмотря на закрытость своей политической системы и общества, централизовано (как отмечали представители тех российских вузов, куда массово приезжают учиться туркменские студенты) направляет граждан на учебу в РФ согласно утвержденному государством перечню иностранных вузов, в которые можно поступать туркменским абитуриентам, поскольку государство заинтересовано в подготовке будущих выпускников в зарекомендовавших себя университетах. Общее число студентов из этой центральноазиатской страны в вузах РФ в 2018 г. составляло около 40 тыс. человек³. В то же время, как было отмечено в интервью представителем туркменской диаспоры в Москве, оттуда практически нет трудовой миграции⁴. Однако единичные случаи все же встречаются, когда, например, человек приезжает в Россию на длительный период времени.

¹ Rubinov I. The Impact of Migration and Remittances on Natural Resources in Tajikistan // CIFOR Occasional Paper. 2016. No. 164. P. 5–10. URL: https://www.cifor.org/publications/pdf_files/OccPapers/OP-164.pdf (accessed: 09.06.2022). См. также: (Казанцев, Гусев, 2018; Zanca, 2018; Икромов, 2019; Комаровский, 2020; Югай, 2022).

² В 2018 г. в России обучались 212 тысяч студентов из стран Центральной Азии // АНО «Содружество народов Евразии». 27.02.2019. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/v-2018-g-v-rossii-obuchalis-212-tysach-studentov-iz-stran-centralnoy-azii> (дата обращения: 27.08.2021).

³ Там же.

⁴ Из интервью с представителем туркменской диаспоры в России, проведенного авторами в ходе полевых исследований.

Что касается цифр по Казахстану, то трудовая миграция оттуда тоже невелика. В образовательном плане эта страна все больше старается конкурировать с Россией за своих абитуриентов, чтобы не терять молодежь (Лысенко, 2016). Собственная система образования Казахстана во многом ориентирована на Запад и заметно отличается от российской (Оспанова, 2015). Поэтому, хотя количество казахстанских студентов в РФ традиционно наибольшее среди всех стран ЦА (86,5 тыс. в 2018 г.)⁵, многие представители российских университетов, в которых мы проводили опросы, отмечали, что в последние годы число студентов из этой страны снижается, и это было связано не с пандемией (которая в 2020–2022 гг. больше повлияла на трудовую миграцию (см., например: (Рязанцев, Вазиров, Гарифова, 2020)), тогда как у студентов все-таки была возможность учиться удаленно), а с выбором других образовательных траекторий, поступлением в вузы США, стран Европы и Китая. По нашим наблюдениям, учиться на длительный срок приезжают больше представители русской общины Казахстана. Вместе с тем казахскоязычная молодежь чаще попадает в Россию по краткосрочным сетевым программам.

Киргизия по числу трудовых мигрантов занимает третью позицию после Таджикистана и Узбекистана, студентов из этой страны в России в целом не очень

много (в 2018 г. их насчитывалось 16,6 тыс.⁶), но постепенно их количество растет (Арефьев, Дербишева, 2020). Наконец, 2 % респондентов, приехавших из стран Центральной Азии, на момент исследования уже получили российское гражданство или имели двойное гражданство.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь рассмотрим полученные данные об уровне образования мигрантов.

Среднее образование имеют 100 % опрошенных. Студенты получали высшее образование в России на момент проведения исследования. В то же время среди трудовых мигрантов высшее образование имелось только у 33 % ответивших. 12 % получали его в России во время исследования. Остальные 55 % не имели высшего образования и не получали его, что свидетельствует об отсутствии побуждения к этому со стороны работодателей, хотя таковое очевидным образом было бы необходимо.

Далее, для нас было важно изучить образовательную составляющую в мотивации людей к переезду. В анкете был задан вопрос, что являлось основной причиной выбора России и конкретного города для проживания, работы или учебы. Ответы представлены в таблице.

Основная причина выбора России и конкретного города для проживания / работы / учебы (доля ответивших, %)

№п/п	Значения	Трудовые мигранты	Студенты
1	Посоветовали родственники	32	24
2	Присоединение к семье / друзьям, проживающим в России	25	10
3	Было хорошее предложение по работе	23	1
4	Выбор вуза по рекомендациям знакомых	10	41
5	Выбор вуза по международным рейтингам	7	20
6	Другое	3	4
ИТОГО		100	100 %

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

⁵ В 2018 г. в России обучались 212 тысяч студентов из стран Центральной Азии // АНО «Содружество народов Евразии». 27.02.2019. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/v-2018-g-v-rossii-obuchalis-212-tysyach-studentov-iz-stran-centralnoy-azii> (дата обращения: 27.08.2021).

⁶ Там же.

В опции «Другое» респонденты называли получение квоты на обучение, поступление в университет на бюджетной основе, приемлемую стоимость обучения, желание получать образование на русском языке, меньшее расстояние до родного города или просто желание учиться именно в России в конкретных городах и вузах.

В разбросе ответов можно проследить интересную тенденцию. С одной стороны, в выборе места учебы ключевым остается фактор личных связей и рекомендаций, с другой стороны — значимым влиянием стали обладать

международные рейтинги университетов, на которые молодежь Центральной Азии ориентируется хотя и в меньшей степени, чем, скажем, другие группы иностранных студентов в России (см., например: (Antonova, Purgina & Polyakova, 2019; Antonova et al., 2021)), но все же уделяет им внимание. Кроме того, это означает, что популярность и репутация российского образования в центральноазиатских странах в целом сохраняются.

Далее, мы попросили респондентов оценить их уровень владения русским языком. Результаты представлены на рис. 5, 6.

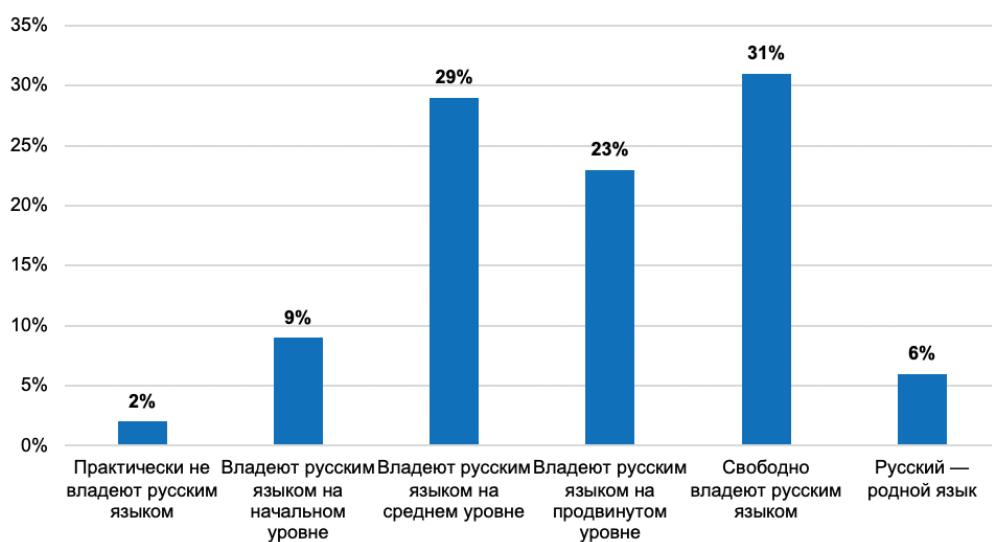

Рис. 5. Оценка трудовыми мигрантами своего уровня знания русского языка

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

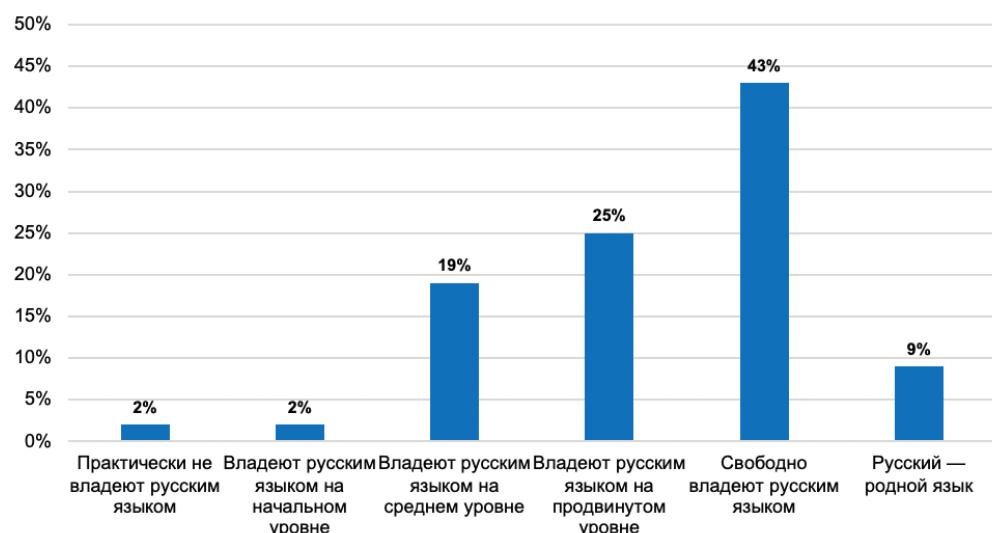

Рис. 6. Оценка студентами своего уровня знания русского языка

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Можно увидеть, что к свободно владеющим русским языком себя в обоих случаях относят менее половины опрошенных. Значительное число может без явных затруднений читать и общаться на бытовые темы. В то же время, по нашим наблюдениям, приезжих, плохо знающих русский язык, больше, чем число указавших это в своих ответах. Помимо нашей выборки, в частности, недостаточное знание языка многими студентами из ЦА отмечали при обмене мнениями представители целого ряда вузов, в которых проводились опросы.

Исследователями уже отмечалось ухудшение ситуации с изучением русского языка в Центральной Азии⁷. Даже несмотря на имеющееся сотрудничество с Россией в этой области и стремление многих граждан дать детям русскоязычное образование, языковая политика государств этого региона часто не способствует или недостаточно способствует широкому распространению русского языка.

Безусловно, русский язык любые мигранты — как трудовые, так и образовательные — должны учить до приезда в Россию. Вместе с тем мы попытались выяснить: может быть, те, кто указали информацию о недостаточном его знании, закрывают пробелы в своем образовании уже после переезда и изучают русский, находясь на работе и/или учебе в РФ? Результаты представлены на рис. 7, 8.

В основном утвердительный ответ давали студенты, что логично, поскольку для них русский язык часто входит в учебный план, в программу осваиваемых дисциплин, и потом им приходится постоянно расширять свои познания в нем. По нашим наблюдениям, представители Казахстана как из числа студентов, так и из числа трудовых мигрантов действительно чаще свободно говорят по-русски, для многих русский язык является родным, и тогда необходимости в продолжении его изучения не возникает.

В остальном в большинстве случаев среди трудовых мигрантов результаты оказались неутешительными: лишь менее половины опрошенных продолжают освоение языка страны пребывания. К его изучению у них меньше стимулов: они чаще, чем студенты, находятся в своей замкнутой диаспоральной среде, в основном проводят время в рабочем коллективе, который может состоять преимущественно из таких же работающих по контракту выходцев из центральноазиатских республик, возможно, даже приехавших вместе. Если работодатель не участвует в повышении профессионального уровня своих сотрудников и не обязывает их к получению образования, в том числе и в первую очередь к изучению русского языка, не экзаменует постоянно, регулярно, а не один раз и простейшим тестом при получении патента, то прогресса в этом вопросе без более строгого подхода ожидать не приходится. В конечном счете недостаточное знание русского языка будет приводить к производственному браку и нарушениям техники безопасности. Наконец, даже получение гражданства РФ отнюдь не означает, что для человека русский язык обязательно родной или он отлично говорит на нем. Это может быть и не так, поэтому среди получивших гражданство необходимость продолжать изучение языка есть также во многих случаях.

В завершение респондентам были заданы вопросы об их дальнейших жизненных планах (рис. 9, 10). Выяснилось, что большая часть ответивших хотела бы в будущем жить в России. Это можно объяснить сложным экономическим положением центральноазиатских стран, но такая цифра совсем не коррелирует с недостаточным изучением русского языка и малой долей трудовых мигрантов, желающих получить высшее образование.

⁷ См.: Бекбураев Н. Положение русского языка в странах Центральной Азии // CABAR. 28.02.2019. URL: https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii/#_ftn9 (дата обращения: 01.08.2021); Половина Центральной Азии уже не говорит на русском // Фонд «Русский мир». 15.03.2019. URL: https://www.russkiymir.ru/publications/253781/?sphrase_id=1006429 (дата обращения: 23.04.2020). См. также: (Fierman, 2009; Боришполец, 2014; Летняков, 2015; Rutland & Kazantsev, 2016; Сулайменова, 2020; Юй, 2020).

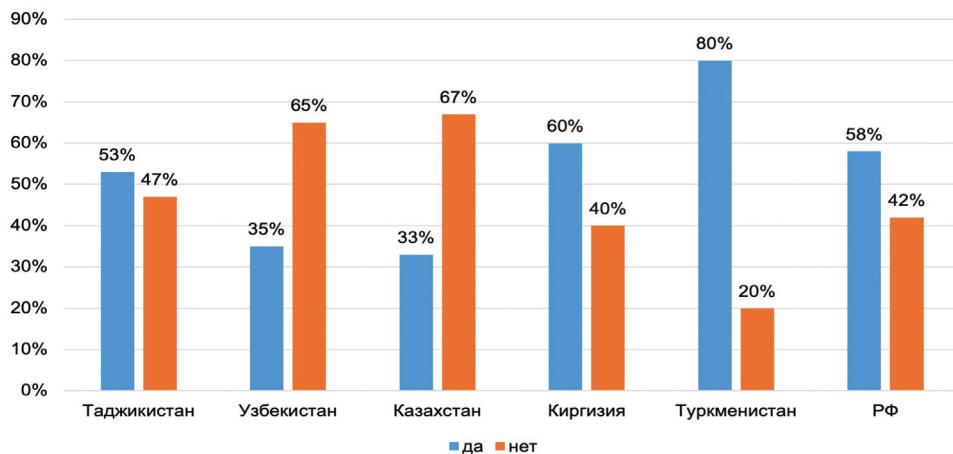

Рис. 7. Доля трудовых мигрантов, продолжающих изучение русского языка во время пребывания в России, %

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

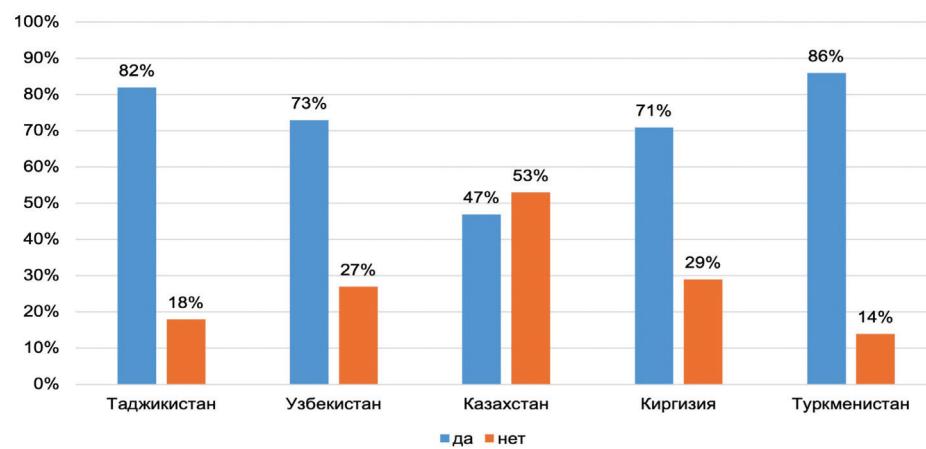

Рис. 8. Доля студентов, продолжающих изучение русского языка во время пребывания в России, %

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Рис. 9. Дальнейшие планы трудовых мигрантов

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

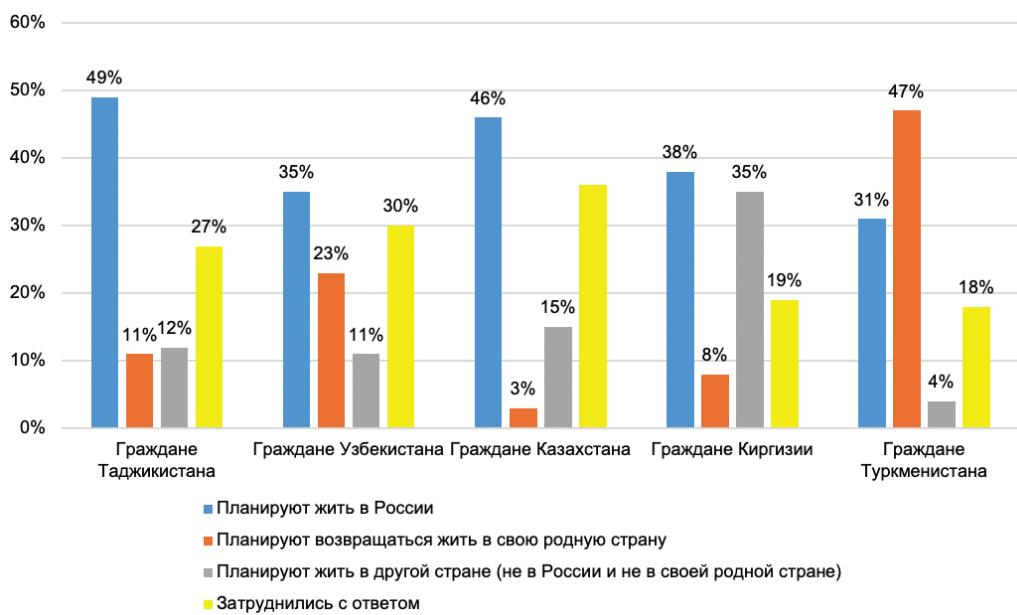

Рис. 10. Дальнейшие планы студентов

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Стремление большинства опрошенных жить и работать в России соответствует сложившейся у большей части центрально-азиатских государств экономической зависимости от миграционных потоков (Курылев и др., 2018). По сути, страны, направляющие свою рабочую силу «на экспорт», пока явно не заинтересованы в том, чтобы реализовывать какие-либо значимые действия, чтобы поменять сформировавшуюся таким образом экономическую модель, не стремятся к тому, чтобы модернизировать свои промышленные мощности, восстановить пришедшие в запустение после распада СССР предприятия, увеличить финансирование научно-образовательной сферы, здравоохранения и т. д.

Еще один вопрос, на который дали ответы респонденты, — о дальнейших планах получения образования. Среди трудовых мигрантов, не имеющих высшего образования, получить его планируют только 30 %, среди них 63 % хотели бы учиться в России, 33 % — в своей родной стране, а 4 % — в другом государстве (не в России и не в своей родной стране). По этим цифрам можно отметить привлекательность российского образования для мигрантов,

но в то же время большинство не планирует получать никакого высшего образования.

Если говорить о студентах, то 22 % тех, кто учится в бакалавриате, планируют поступать в магистратуру в России, а 2 % магистрантов планируют поступать в российскую аспирантуру. Эти цифры выглядят более чем скромными, однако здесь следует помнить о том, что студенты чаще всего принимают решение по выбору места получения образования не единолично, и их родители, к примеру, вполне могли уже запланировать им либо устройство на работу сразу после бакалавриата без магистратуры, либо обучение в магистратуре на Западе или в Китае. Хотя российские вузы заинтересованы в приглашении окончивших бакалавриат выпускников в магистратуру, прилагают для этого значительные усилия и предлагают много содержательных и конкурентоспособных магистерских программ, приходится признать, что в данном аспекте траектории иностранных студентов определяются не только и не столько качеством и уровнем российского образования, которое ценится во всем мире, но в большей мере — совокупностью субъективных установок.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует отметить, что ситуация с образованием мигрантов, приезжающих на заработки, оставляет желать лучшего. В обществе все чаще звучат точки зрения о необходимости сокращения объемов трудовой миграции и трудоустройстве на места в ранее занимаемых мигрантами нишах рынка труда российских граждан с техническим или иным профильным образованием, умеющих работать на специальном оборудовании, и необходимости роста заработной платы, что действительно важно, как важно и прививать уважение к рабочим и бытовым профессиям.

Во-вторых, нужно комплексно оценивать вопрос о наличии или отсутствии необходимости привлечения трудовых мигрантов в каждом конкретном случае, государству необходимо усиливать контроль за этой сферой и обязывать работодателей еще до выезда мигранта из его страны проводить прозрачный и четкий отбор претендентов на трудоустройство по уровню образования и требованиям к знанию русского языка, истории и культуры России, намного превосходящим простейшие тесты, которые сейчас предлагаются для экзамена перед получением патента. Ориентируясь на свои интересы и благосостояние своих граждан, российской стороне, даже если и возникает какая-то необходимость в привлечении кадров извне, важно выбирать лишь тех кандидатов, которые имеют уникальный, наиболее высокий образовательный уровень и мотивацию к дальнейшему его повышению.

В-третьих, необходимо обязать работодателей следить за повышением квалификации специалистов-мигрантов, их дальнейшим образованием и интеграцией в общество, отсутствием конфронтации и конфликтов, а государству следует осуществлять строгий надзор как за подготовкой и проведением

тестирования для патентов, так и за выполнением работодателями требований по образованию своих сотрудников. Помимо курсов по изучению русского языка при подготовке к получению патента необходимо развивать профильные учебные программы по профессиональным специальностям и общегуманитарные по изучению истории и культуры России. В совокупности эти меры будут способствовать выполнению задачи «социальной и культурной адаптации» мигрантов, поставленной в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.

В-четвертых, необходимо предъявлять более строгие требования к уровню знания русского языка при наборе абитуриентов в вузы. Для успешного освоения учебной программы, как и для нормальной социализации в принимающем обществе, необходимо свободное владение русским языком.

Наконец, России важно продолжать развивать сотрудничество со странами Центральной Азии в области образования (как и со всеми остальными партнерами) — как высшего, так и среднего, расширять связи, чтобы помогать своим партнерам с процессом обучения русскому языку в школах, с учебной литературой, повышением квалификации учителей, сотрудничеством педагогических вузов, увеличением осведомленности потенциальных абитуриентов о возможностях образования в России. Каждому отдельному участнику гуманитарных связей (региону, вузу, школе, человеку, предприятию) чрезвычайно важно способствовать такому сотрудничеству, ведь именно образование призвано помочь преодолевать социальные конструкты стереотипов и ограничений, способствовать лучшему взаимопониманию между народами, расширять культурный кругозор, предотвращать преступления и конфликты, а также обеспечивать качественное выполнение профессиональной деятельности.

Поступила в редакцию / Received: 15.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Арефьев А.Л., Дербисеева З.К. Сотрудничество России и Киргизии в области образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2020. № 5. С. 276–295. <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020.15>; EDN: JWANKD
- Боришполец К.П. Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 63–70. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-63-70>; EDN: SBWXPP
- Икромов Д.З. Международная миграция из стран Центральной Азии в Россию: оценка влияния на социально-экономическое развитие. Душанбе : ЭР-граф, 2019. EDN: WHJIEE
- Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 292–303. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303>; EDN: XTRJCH
- Комаровский В.В. Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 105–110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-105-110>; EDN: NDVAJY
- Крапивник Е.В. Интенсивное обучение РКИ: опыт подготовки трудящихся мигрантов к комплексному экзамену // Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 261–263. EDN: TLODJJ
- Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришили А.А. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 315–327. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327>; EDN: UULYGB
- Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 4. С. 100–115. EDN: XQZRVR
- Лысенко Ю.А. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в научно-образовательной сфере // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 276–282. EDN: WYCDPD
- Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции / под ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2019. EDN: WMMQWX
- Оспанова А.Н. Развитие двудипломного образования: проблемы реализации и перспективы развития // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 66–69. EDN: VBLVTB
- Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарипова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 45–58. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04>; EDN: DXLLPY
- Сулейменова Э.Д. «Russian Overseas Flagship» и языковая ситуация в Казахстане // Russian Language Journal. 2020. Vol. 70, no. 1. P. 23–57. <https://doi.org/10.70163/0036-0252.1025>; EDN: JEWZZM
- Шарафутдинова О.И., Доронина Е.Г., Казакова Ю.В. Выявление практик обучения детей-мигрантов посредством глубинного интервью // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1. С. 166–173. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10119>; EDN: BKAGNH
- Югай Ю.В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 2. С. 206–219. EDN: AWMDSN
- Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 250–270. EDN: TDORBT
- Antonova N.L., Kumar D.A., Popova G.I., Vysotskaya Ya.S. Indian Students at a Russian Regional University: Socio-Economic Impact of Short-Term Educational Programmes // Economy of Regions. 2021. Vol. 17, no. 2. P. 460–472. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-8>; EDN: MURCMP
- Antonova N.L., Purgina E.S., Polyakova I.G. The Impact of World University Rankings on BRICS Students' Choices of Universities (The Case of Ural Federal University) // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. No. 49. P. 153–161. EDN: KTSTEJ
- Fierman W. Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia // Europe — Asia Studies. 2009. Vol. 61, no. 7. P. 1207–1228.
- Igarashi N., Kumo K. Women's Voices: Gender Survey in Tajikistan // Hitotsubashi Journal of Social Studies. 2016. Vol. 47, no. 1. P. 11–30. <https://doi.org/10.15057/27661>
- Kamp M. The Soviet Legacy and Women's Rights in Central Asia // Current History. 2016. Vol. 115, no. 783. P. 270–276. <https://doi.org/10.1525/curh.2016.115.783.270>

- Najjar D., Devcota R., Feldman S.* Feminization, Rural Transformation, and Wheat Systems in Post-Soviet Uzbekistan // *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 92. P. 143–153. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.03.025>; EDN: PMODES
- New Voices from Central Asia : Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 1 / ed. by M. Laruelle. Washington, D.C. : The George Washington University, 2017.
- Omaleki V., Reed E.* The Role of Gender in Health Outcomes among Women in Central Asia: A Narrative Review of the Literature // *Women's Studies International Forum*. 2019. Vol. 72. P. 65–79. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2018.12.002>; EDN: WPTDLI
- Rutland P., Kazantsev A.A.* The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*. 2016. Vol. 9, iss. 3. P. 395–413. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232287>; EDN: XFIXYV
- Zanca R.* Uzbekistan Emerges from Karimov's Shadow // *Current History*. 2018. Vol. 117, no. 801. P. 277–282. <https://doi.org/10.1525/curh.2018.117.801.277>

Сведения об авторах:

Муратшина Ксения Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12; eLibrary SPIN-код: 4716-3276; ORCID: 0000-0001-7952-6299; e-mail: k.muratshina@ivran.ru

Валеева Марина Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории наукометрии, Уральский федеральный университет; Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; eLibrary SPIN-код: 3722-6137; ORCID: 0000-0003-1623-8067; e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru